

Глава 2. Сюньей, ты хочешь поехать со мной?

—

Охранник посадил ребенка в машину, и Цзи Юйчжоу тоже сел.

«Сначала вернемся, пусть Лю Хэван ждет нас там».

Лю Хэван был личным врачом Цзи Юйчжоу. Цзи Юйчжоу, отдавая приказы, попутно прибавил температуру кондиционера в машине на два градуса.

Ребенок свернулся в углу машины, но не прижимался к ней, половина его ягодич висела в воздухе, так что казалось, будто он сидит на корточках на полу. В этот момент он снова надел капюшон толстовки, будто это был его естественный защитный зонтик.

Цзи Юйчжоу откинулся на кожаное сиденье и небрежно спросил: «Очень меня боишься?»

В машине наступила тишина. Раздался шорох ткани. Голова, спрятанная в капюшоне, пошевелилась. На этот раз Цзи Юйчжоу отчетливо видел, что ребенок качает головой.

«Как тебя зовут?»

В машине было тихо, слышен был только легкий гул от быстро движущегося автомобиля.

Цзи Юйчжоу снова спросил: «Сколько тебе лет?»

На этот раз Цзи Юйчжоу долго ждал, но ребенок по-прежнему не открывал рта. Машина медленно остановилась, и охранник, сидевший спереди, почтительно сказал: «Адмирал, мы приехали».

«Хорошо». Цзи Юйчжоу больше ничего не сказал, велел охраннику вывести ребенка из машины.

«Я... я сам могу идти!» Несколько высоких охранников обошли к стороне ребенка, открыли дверь и собирались помочь ему встать, но ребенок, что редко для него, заговорил.

Это был первый раз, когда Цзи Юйчжоу отчетливо слышал его речь. Он явно прошел через период мутации голоса, и в его голосе была мужская притягательность, но, в отличие от его колючей внешности, в этом низком голосе была мягкость. В одно мгновение Цзи Юйчжоу, казалось, увидел на спине ежика, покрытой жесткими иглами, выглядывающую из-под слоев острых игл розовую нежную плоть.

Цзи Юйчжоу тихо усмехнулся и сказал стоящим рядом с ребенком охранникам: «Пусть идет сам».

Ребенок выскользнул из рук охранников и, хромая, последовал за Цзи Юйчжоу внутрь. Зайдя в комнату, Цзи Юйчжоу усадил его на диван в гостиной.

Цзи Юйчжоу сел рядом и обратился к Лю Хэвану, который ждал там уже давно: «Посмотри раны этого ребенка».

Лю Хэван был своего рода старым другом Цзи Юйчжоу, он долгое время работал его личным врачом. Теперь, узнав, что ему предстоит обработать раны незнакомому молодому человеку, которого Цзи Юйчжоу ласково (?), назвал ребенком, он невольно проявил любопытство и,

пытаясь поддразнить, сказал: «Адмирал Цзи, столько лет о вас не было никаких сплетен... Оказывается, это ваш тип?»

«Не говори глупости», – Цзи Юйчжоу бросил на него взгляд.

Тогда об этом инциденте знали немногие, а задействованные в нем силы были сложны и многообразны, поэтому сейчас было неуместно об этом говорить. Цзи Юйчжоу задумался на мгновение и ответил: «Сын старого друга, только сейчас нашел».

Пока они разговаривали, Лю Хэван не бездействовал: ловко открыл аптечку, сначала очистил загрязнения и кровь с ран ребенка, а затем с помощью ватного тампона нанес лекарство.

Когда сняли рваную одежду, открылись ужасающие раны. Было видно, что они образовались за долгие годы, некоторые даже нагноили, были красные, желтые, еще и покрытые грязью. Цзи Юйчжоу вырос в армии и видел не меньше кровавых сцен, но, увидев эту почти каждый сантиметр кожи без здорового места, особенно испуганный вид ребенка, он почему-то почувствовал некоторую жалость и тихонько отвел глаза.

С момента входа в комнату ребенок ни разу не проронил ни слова. Кроме случаев, когда Лю Хэван просил его протянуть руку, и он послушно протягивал, он вел себя как машина без всяких эмоций.

Когда с ранами на теле было покончено, Лю Хэван попросил ребенка снять капюшон, чтобы осмотреть раны на лице. Ребенок, который ни звука не издал, когда ему обрабатывали поясницу и пах, «резко» отдернул руку и, не раздумывая, сильно покачал головой, как испуганный зверек.

«Не надо...»

Цзи Юйчжоу примерно догадался о причине этого. У ребенка был особый цвет глаз, и, вероятно, с детства его много высмеивали и обзывали, указывая пальцем. Раны на других частях его тела тоже были почти обработаны. Цзи Юйчжоу сказал Лю Хэвану: «Ты выйди первым, я хочу поговорить с ним наедине».

Лю Хэван хотел что-то сказать, но, увидев строгое лицо Цзи Юйчжоу, тут же проглотил слова, кивнул и вышел из комнаты. Он хорошо знал нрав Цзи Юйчжоу. Чтобы в таком молодом возрасте стать командиром легиона, помимо семейного происхождения, Цзи Юйчжоу был также известен своей железной волей и решительностью, и не любил, когда другие вмешивались в его личные дела.

Дверь закрылась, щелкнул замок. Адмирал Цзи, известный своей железной решимостью, с легкой улыбкой смотрел на ребенка, чье лицо было скрыто чёрным капюшоном.

Его голос стал на два градуса мягче, с оттенком поддразнивания маленького животного: «Не хочешь сказать мне свое имя, не хочешь, чтобы я тебя трогал, а с доктором можешь быть откровенным?»

Ребенок обхватил руками свои тонкие ноги, и, услышав слова Цзи Юйчжоу, явно немного запаниковал. Он помолчал, свернувшись на диване еще сильнее, и низкий голос донесся из-под капюшона, приглушенный одеждой: «Цзян Сюньюй, семнадцать лет».

«Какой 'сюньюй'?»

Голос Цзи Юйчжоу был низким с некоторым магнетизмом. Внезапно Цзян Сюньюй высказал свои искренние мысли: «...Находить свет».

«Оказывается, 'Сюньюй'... Сюньюй, хорошее имя». Цзи Юйчжоу повторял эти два слова, смакуя их во рту. Он не ошибся, этого ребенка действительно звали Цзян. Цзи Юйчжоу тихо рассмеялся: «Меня зовут Цзи Юйчжоу, я старше тебя на девять лет. Господин, дядя, называй как хочешь».

«Господин Цзи...» Цзян Сюньюй был немного смущен, положив подбородок на колени, слушая, как Цзи Юйчжоу произносит его имя, и так же повторяя имя Цзи Юйчжоу, он почему-то почувствовал себя немного взволнованным, словно маленький котенок легонько царапался внутри.

Ни один незнакомец никогда не говорил с ним таким тоном.

Цзян Сюньюй беспорядочно думал, когда Цзи Юйчжоу встал и подошел к нему: «Сними капюшон, чтобы я посмотрел раны?»

Едва Цзи Юйчжоу закончил говорить, Цзян Сюньюй подсознательно крепко схватил края капюшона обеими руками. Он опустил голову, сжимая пальцы до побеления костяшек: «Не нужно...»

Голос Цзян Сюньюя дрожал. Цзи Юйчжоу не стал его принуждать, неторопливо сменив тему: «Тогда... ты можешь ясно видеть вещи своими глазами?»

Цзян Сюньюй еще больше замолчал, губы сжались в тонкую линию.

С детства он знал, что его глаза отличаются от других. Некоторые говорили, что у него заразная болезнь, что он грязный; другие обзывали его монстром, оскверняющим глаза; даже когда он только приехал в приют, директор тайком попросил кого-то узнать у гадалки, несчастно ли принимать такого ребенка с необычными глазами... Все это Цзян Сюньюй знал, много слышал, но научился притворяться, что не слышит.

Людей волновало только, принесут ли его глаза им неприятности. Кроме родителей, никто никогда так спокойно не говорил с ним, не интересовался, может ли он видеть ясно.

Неожиданно услышав слова Цзи Юйчжоу, Цзян Сюньюй почувствовал, как у него в глазах зашипало, и ему показалось, что это слишком позорно. Он изо всех сил моргал глазами, сдерживая слезы.

«Могу видеть, — Цзян Сюньюй шмыгнул носом, боясь, что Цзи Юйчжоу не услышал его ответа, и повторил, — Могу видеть четко».

В голосе Цзи Юйчжоу стало больше смеха, он постепенно направлял его, как будто соблазнял маленького ежика убрать свои иголки: «Тогда подними голову и посмотри на меня, ты хочешь?»

Хочет?

Конечно, он хотел, только...

Цзян Сюньюй колебался, голос Цзи Юйчжоу был слишком соблазнительным. Его пальцы, которыми он сжимал край капюшона, побледнели от напряжения, медленно, дрожа,

приоткрыли черный капюшон.

Только один взгляд, сказал себе Цзян Сюньюй, только один взгляд. Ему следовало увидеть, как выглядит человек, который его спас.

Когда Цзян Сюньюй поднял глаза и увидел лицо Цзи Юйчжоу, Цзи Юйчжоу улыбался. Его красивые «персиковые глаза» приподнялись, а глаза были черными, полными россыпи ярких огоньков.

Цзян Сюньюй быстро опустил голову, но глаза Цзи Юйчжоу словно отпечатались в его мозгу.

Красивые.

Это было первое слово, которое пришло в голову Цзян Сюньюя.

Кроме «красивые», Цзян Сюньюй не мог найти других слов, чтобы описать глаза Цзи Юйчжоу. Впервые он почувствовал, как печально, что не учился в школе. Такое прекрасное зрелище, а он не мог сказать о нем ни слова.

Глубокие, насыщенные – такими глазами Цзян Сюньюй мечтал обладать, но у него не возникло ни малейшего завистливого желания по отношению к Цзи Юйчжоу. Цзян Сюньюй не заслуживал таких глаз, но они идеально подходили господину Цзи, стоявшему перед ним.

Движения Цзян Сюньюя были слишком похожи на испуганное маленькое животное. Цзи Юйчжоу было немного смешно, и он впервые испытал удовольствие, которое люди получают, дразня кошку. Он вернулся на диван, небрежно откинулся на мягкую спинку и намеренно подразнил Цзян Сюньюя: «Так меня боишься? Я тебе не нравлюсь?»

Цзян Сюньюй подсознательно покачал головой, но вспомнил, что из-под капюшона Цзи Юйчжоу, возможно, не увидит. Он бессознательно ковырял ногти, до боли скручивая пальцы, и медленно выдавил одно слово: «...Грязный».

Голос Цзян Сюньюя был слишком тихим. Даже Цзи Юйчжоу, прошедший профессиональную тренировку слуха, не расслышал, что он сказал. Цзи Юйчжоу нахмурился: «Что?»

Цзян Сюньюй помолчал немного, прикусил бледные, лишенные крови губы: «Вы видите, я грязный».

Сказав это, Цзян Сюньюй болезненно опустил глаза.

Когда раньше директор ходил к гадалке, слова гадалки постоянно звучали в его ушах: «Такие глаза встречаются редко, это небесное знамение, и оно обязательно несет в себе зло. Легко может привлечь нечистую силу... Если прогнать напрямую, это может вызвать месть, поэтому советуем не подходить слишком близко, чтобы не заразиться несчастьем».

Хотя Цзян Сюньюй говорил кратко и неясно, Цзи Юйчжоу обладал необычайной проницательностью. Глядя на съездившегося ребенка, он вспомнил слова директора. Глаза — это самая характерная черта лица человека, и их легче всего заметить с первого взгляда. В эту эпоху у всех глаза были черными, и люди обычно предвзято относились к тем, у кого глаза другого цвета.

Цзи Юйчжоу быстро догадался, что примерно произошло.

Он только что видел, как Цзян Сюньюй дрался с другими, хотя это было двое против одного, но если присмотреться, у двух других детей тоже было много ран. Цзян Сюньюй определенно не был какой-то сговорчивой размазней.

Такой ребенок, который в ярости не жалеет своей жизни, вдруг так много думает о нем... Не потому ли, что он его только что спас?

Цзи Юйчжоу вырос в армии и стал свидетелем слишком многих странностей и интриг. Очень редко можно увидеть такого ребенка, как Цзян Сюньюй, который был бы прост и честен до глупости.

Глядя на худую фигуру Цзян Сюньюя, Цзи Юйчжоу внезапно изменил свое мнение.

Изначально он хотел отправить Цзян Сюньюя учиться в другую школу после того, как его раны заживут, чтобы проявить благосклонность и отплатить за прошлую дружбу. Но теперь...

«Мне это не важно», — медленно сказал Цзи Юйчжоу. Такой ребенок чист и предан. Если дать ему несколько капель росы, он откроет вам свое истинное сердце. Это хороший саженец, который можно вырастить.

Он поднял глаза на Цзян Сюньюя, его голос стал мягче, и он назвал его по имени.

«Сюньюй, ты хочешь поехать со мной в армию?»

—

<http://bllate.org/book/12842/1131877>